

ВЫБОРНЫЕ ЦИКЛЫ В США И КНР: СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2013 г. **С.М. Труш***
Институт США и Канады РАН, Москва

В фокусе статьи – полемика Б. Обамы и М. Ромни по китайской теме, а также внешнеполитический ракурс XVIII съезда КПК, его возможные следствия для китайско-американских отношений. Оба общества – американское и китайское – находятся на деликатной фазе развития, во многом перестраивая свои модели роста. Эта фаза, особенно в Китае, сопровождается обострением внутриэлитной борьбы. В ходе выборных циклов проявилась «интуитивная» установка обеих элит на взаимозависимость и минимизацию конфликтности. Наряду с этим риск обострения отношений сохраняется, особенно в военной сфере.

Ключевые слова: отношения КНР – США, XVIII съезд КПК, внутрифракционная борьба в КПК, президентская кампания в США.

Завершившиеся в США и Китае выборные циклы проходили сообразно сложившимся в этих социумах традициям и правилам политической игры. В Америке это была эстрадная, с претензий на максимальную открытость и активное гражданское участие предвыборная кампания, со всеми присущими ей атрибутами: ориентированными – порой достаточно искусственно – на конкуренцию программами претендентов, их часто срежиссированными пикировками, причём не всегда по самым злободневным сюжетам, скрупулёзным отслеживанием фокусных тем американского электората в надежде «наварить» на них драгоценные голоса. Каждый голос – на вес золота в условиях усилившейся поляризации общества, явно обозначившейся с начала десятилетия.

В Китае – практически закрытый, кулуарный процесс «демократических консультаций» по отбору, обкатке, тестированию лидеров «пятого» поколения, политиков, способных максимально эффективно в условиях усложняющихся реалий реформируемой страны двигаться к двум «сверхприоритетам» – стабильности и росту.

При всех атрибутах ритуала и «этнополитической» специфики, в каждой из этих двух всё более сопоставляемых «политий» подобные выборные циклы чрезвычайно важны для их будущего. Эти циклы представляют собой естественные для правящих элит периоды сверки политических часов, «переваривания» значимой социальной информации, зондажа настроений, корректировки

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: stroush@mail.ru

нынешней и выработки перспективной политической линии. В силу центрального статуса, который США и Китай имеют в мировой политике, в ходе этих циклов практически всегда присутствует соответственно «китайская» или «американская» тема. Они вербализуются либо открыто, как это принято в Америке, либо более косвенно и завуалировано, что свойственно политической традиции КНР. Сказанное или «не сказанное» в этой связи даёт ключ к пониманию будущего этапа отношений двух ключевых игроков.

Президентская кампания в США: китайские сюжеты

Китайская проблематика в предвыборной кампании в США была представлена широко и многоаспектно. Мотивация данного обстоятельства лежит на поверхности: растущая экономическая, торговая, финансовая, социальная взаимозависимость двух стран. Почти полутриллионный товарооборот и трёхсотмиллиардный дефицит, статус Китая как крупнейшего игрока на рынке ценных бумаг США, массированный перенос сборочных площадок и производств американских корпораций в КНР, сопровождающийся оттоком рабочих мест в контексте остро стоящей проблемы занятости делали присутствие китайской темы неизбежным в дискуссиях по американской экономике.

Китайские сюжеты рассматривались в контексте последствий финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Обострившиеся и проявившиеся в ходе кризиса макроэкономические дисбалансы США – проблема тройного дефицита, ножницы «сверхпотребления», тупики «финансомики», – равно как и меры по преодолению этих дисбалансов, тесно связаны с Китаем, в первую очередь с его валютно-финансовой политикой.

Другой фактор, который стимулировал обсуждение китайских сюжетов в президентской кампании США – пересмотр военной стратегии США, сопровождающийся сокращением и оптимизацией военных расходов, перенос её регионального фокуса на АТР, о чём было заявлено в начале 2012 г. Этот пересмотр, весьма болезненно и неоднозначно воспринятый американской элитой, особенно её военным сегментом, неизбежно стал горячей дискуссионной темой. Это прямо затрагивало КНР как ключевого военного контрагента и соперника США.

Отмеченные выше моменты предопределили отличительную особенность президентской кампании 2012 г. Традиционная заикленность этих кампаний на вопросах внутренней жизни США, в первую очередь на проблемах экономики, была если не переориентирована полностью, то сильно разбавлена, во многом за счёт именно «китайского» фактора. Так, в ходе второго раунда дебатов претендентов, сфокусированных на экономической проблематике, Китай был упомянут 12 раз. Грань между «внутренним» и «внешним» стала всё более подвижной, что естественно в условиях глобализации.

В программах и выступлениях кандидатов весьма рельефно проявилась традиционная дихотомия в китайской политике США: «сдерживание» – «вовлечение». Республиканский кандидат явно, хотя и не без дипломатического маневрирования, представлял первую тенденцию. В своей демонстративно жёсткой критике в адрес китайских «обманщиков» и постоянно подчёркиваемом желании «жёстко разобраться» с Китаем М. Ромни однозначно превзошёл своих республиканских предшественников – Дж. Буша-мл. и Р. Маккейна, ни

одного из которых невозможно было упрекнуть в чрезмерных симпатиях к Поднебесной.

Обвиняя Б. Обаму в «мягкотелости», М. Ромни выдвинул три главные претензии к его китайской политике. Это валютные «махинации» Китая, намеренное занижение курса юаня к доллару; воровство интеллектуальной собственности и технологий; попустительство администрации в вопросе увода реальных производств и рабочих мест в Китай.

Особенно остро ставилась валютная проблема. Валютный «обман» Китая, по версии республиканского кандидата, был «квинтэссенцией» несправедливости в двусторонних торгово-экономических связях, причиной «катастрофического» внешнеторгового дефицита США и их пагубной зависимости от притока китайской валюты на американский финансовый рынок. Особое внимание избирателей губернатор обращал на стремительный рост американского дефицита в торговле с Китаем (295 млрд. в 2011 г.) при нынешнем хозяине Белого дома [9]. М. Ромни подчёркивал, что одним из первых шагов, в случае его прихода в Белый дом, будет признание Китая валютным манипулятором [7].

Не меньший акцент М. Ромни сделал на критике «порочной экономической мотивации», заставляющей американский бизнес уводить капиталы, производства, технологии, а главное – рабочие места в Китай. «Моя главная задача – обеспечить занятость как можно большего числа людей. Если мы обеспечим занятость, если мы вернём рабочие места в реальный сектор экономики, мы получим рост доходов простых американцев, которые упали вследствие высокого уровня безработицы. Я знаю, что нужно делать для того, чтобы исправить положение. На это направлен мой план, и часть этого плана – заставить Китай играть по правилам» [7].

Тема «увода» рабочих мест в Китай педалировалась республиканским кандидатом с явным популистским прицелом: он делал ставку на недовольство американцев сокращением «реального производства» в США, высоким уровнем безработицы. При этом в экономической программе М. Ромни было достаточно смутно прописано как, посредством каких экономических мер, налоговых и инвестиционных инструментов, этот «увод» может быть приостановлен. Детализацией этих мер претендент себя не обременял. Дьявол, как известно, в деталях, в данном же случае – в их отсутствии. Непредвзятому избирателю было ясно, что проблема оттока рабочих мест, хотя и является частично регулируемой и управляемой, в основном связана с трудно преодолимыми экономическими трендами глобализации, переливом капиталов и производств в оптимальные инвестиционные зоны мира.

Спорной и также слабо проработанной была продвигаемая губернатором идея переориентировать фокус американской деловой активности – торговлю, инвестиции, размещение производственных площадей – с Китая на Латинскую Америку [7]. При всей заманчивости и частичной реалистичности такой переориентации, было ясно, что этот регион не может рассматриваться в качестве полновесной альтернативы Китаю по ряду причин. В их числе – узость потенциального рынка латиноамериканских стран по сравнению с КНР, неравномерность условий и характеристик инвестиционного климата в регионе, проблемы управляемости общества в ряде латиноамериканских стран и, наконец, отсутствие конфуцианской трудовой мотивации.

Подход Б. Обамы к заявленным претензиям М. Ромни к китайской политике США, отличался меньшей популистской заострённостью, не столь сильно выраженным стремлением видеть противоречия с Китаем в чёрно-белых тонах, более объёмным, перспективным видением двустороннего взаимодействия.

Реагируя на критику М. Ромни по «валютному спору» с КНР, Б. Обама подчёркивал, что его администрация не снимала этот вопрос с повестки дня и систематически оказывала на Пекин жёсткое давление. Реальным результатом такого давления стал рост курса китайской валюты к доллару на 11% в период с 2008 г., а суммарно с 2005 г., когда курс юаня перестал быть жёстко фиксированным, на 30% [7]. С точки зрения интересов США это можно считать значительным прогрессом. Кроме того, действующий президент полагал, что признание Китая «валютным манипулятором», на чём настаивал М. Ромни, почти наверняка вызовет ответную реакцию Пекина, приведёт к обмену протекционистскими мерами и торговой войне. Обама считал, что для долгосрочных интересов Америки, стремящейся максимально наращивать свой экспорт в КНР, искать для этого новые ниши и таким образом распутать проблему тройных дефицитов Америки, это контрпродуктивно. С такой аргументацией Обама выглядел весьма убедительно.

Ещё более выигрышно действующий президент выглядел в «обмене ударами» вокруг темы утечки рабочих мест в КНР в результате транснационализации производственных цепочек. Он обозначил свой подход к проблеме следующим образом. Во-первых, по его мнению, нельзя не понимать, что этот процесс объективен, необратим и представляет собой устоявшийся тренд мировой экономики. Во-вторых, задачу своей администрации он видит в совершенствовании налогового законодательства США. По мнению Б. Обамы, надо закрыть те налоговые дыры, которые позволяют компаниям, переносящим производство в Китай, уходить от налогообложения в США. В-третьих, подчеркнул Б. Обама, в тех случаях, когда производство экономически целесообразно оставить в стране, предпринимаются все возможные меры, включая налоговые преференции, инвестиционные рычаги, меры ВТО. В известной степени используя президентский «административный ресурс», Белый дом в разгар президентской кампании в августе 2012 г. инициировал в ВТО очередной иск к Китаю, по вопросу о субсидировании китайского экспорта комплектующих к автомобилям [4]. Важные психологические очки в этой теме Б. Обама набрал, обвинив губернатора-претендента в том, что последний активно использовал преимущества от переноса производств в Китай в своих прошлых бизнес-проектах. Причём особую остроту эти обвинения приобрели в связи с тем, что речь шла о поставках в Китай чувствительных технологий двойного назначения. «Вы явно не тот человек, который, придя в Белый дом, будет жёстко разбираться с Китаем», – резюмировал эту атаку президент [7].

Последняя фраза в данном обмене ударами была весьма симптоматичной. Она недвусмысленно даёт понять, что оба претендента на Белый дом, чувствовали необходимость продемонстрировать жёсткость в отношении КНР. Будучи искушёнными политиками, тонко чувствуя настроения избирателей, оба кандидата отчётливо понимали, что «твёрдая рука» в отношении КНР востребована американским электоратом. Эта потребность складывалась из настроений посткризисной нестабильности, страха безработицы, газетных отчётов о дина-

мике китайской экономики, информации об очередных интервенциях юаня на американском фондовом рынке, из новостей о растущей конфликтности ситуации в Южно- и Восточно-Китайском морях.

В отношении Китая Б. Обама, как и его республиканский оппонент, не производил впечатления «размазни» и выглядел достаточно твёрдо, но при этом его аргументация звучала более взвешенно, «диалектично», отличалась глубоким пониманием долгосрочных интересов США. Действующий президент успешно уходил от чёрно-белой интерпретации противоречий с Китаем, подчёркивал свою способность и решимость строить с ним полифонические и многоуровневые связи, сочетая твёрдость подходов с готовностью к конструктивному взаимодействию.

Очевидным просчётом республиканского претендента стал его чрезмерный акцент на валютных претензиях к Китаю, что фактически означало ставку на слабый доллар в торговле с ним. Как справедливо отмечали экономические аналитики, М. Ромни в валютных претензиях к Китаю фактически переходил черту разумного. Прагматичные американцы интуитивно поддерживали напор претендента в вопросе о защите рабочих мест в Америке, но их инстинкт самосохранения не позволял им поддерживать ослабление доллара с неизбежным снижением его покупательной способности на внутреннем рынке и повышением цен [10]. Для напуганного и неуверенного в завтрашнем дне американского потребителя это было уже слишком.

Тот факт, что в «прямой» дискуссии между М. Ромни и Б. Обамой приоритет отдавался экономической проблематике, не удивляет. Экономический аспект американо-китайских отношений – наиболее релевантная тема для массового американского избирателя. Прессингуя именно в этой проблемной зоне, соперники набирали – или сохраняли – наибольшее число голосов массового электората. Что касается иных аспектов американо-китайских отношений – стратегических, военных, идеологических, «общепланетарных проблем», то внимание к ним самих кандидатов было менее акцентированным. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что в последнем раунде теледебатов, непосредственно посвящённом внешней политике, тема Китая практически осталась за кадром [8]. Приоритет был явно отдан ситуации на Ближнем Востоке – Ливия, Сирия, Иран, Афганистан – очевидным горячим точкам американской стратегии на временном срезе выборов.

Нюансы китайской политики США, позиции кандидатов по другим – неэкономическим – аспектам американской стратегии более внятно артикулировались членами их команд, профессионально ответственными за соответствующую проблематику. Их предвыборные дискуссии давали представление о ключевых ориентирах команд М. Ромни и Б. Обамы в более широком спектре отношений КНР и США.

В этой связи весьма иллюстративными для понимания будущего отношений стали специальные экспертные дебаты по Китаю, проведённые авторитетным университетско-исследовательским центром, Школой перспективных международных исследований (*SAIS*) при Университете Джонса Гопкинса*

* SAIS – School of Advanced International Studies.

совместно с «Комитетом 100» – влиятельной общественной организацией, работающей для стимулирования американо-китайского диалога. Эти экспертные дебаты привлекают интерес и считаются весьма репрезентативными прежде всего потому, что они – единственные в своей проблемной нише – «отношения с Китаем» – дебаты, которые проводились совместно двумя «штабам» кандидатов публично, в статусе *on record*. Мероприятие регулировалось правилами и регламентом, определёнными официальной Комиссией по президентским дебатам*, и широко освещалась Общественно-политической кабельной телесетью – CSPAN. Команду республиканцев представлял А. Фридберг – один из руководителей «Рабочей группы М. Ромни по азиатско-тихоокеанским проблемам», профессор Принстонского университета, в прошлом один из ключевых внешнеполитических советников Д. Чейни. Демократов представлял Д. Байдер, один из архитекторов китайской политики Б. Обамы, ответственный сотрудник СНБ в его администрации [15].

Эти экспертные дебаты оказались весьма индикативными по широкому кругу проблем американо-китайских отношений. Позиции участников демонстрировали существенные нюансы и различия между ними, давая понять, какой будет линия того или иного кандидата в отношении КНР в случае его победы.

Касаясь горячей темы о переориентации американской стратегии на Азиатско-Тихоокеанский регион, эксперт команды М. Ромни отметил, что прежняя американская политика в этом регионе явно страдала «недостатком ресурсов». Эта переориентация, прямо заявлял он, направлена на «сдерживание» Китая, предотвращение нежелательных для Америки последствий китайского роста. По его мнению, проблема для Америки заключается в том, в какой степени США способны реально «сдерживать» китайский рост. «Слишком многие в Китае уверены, что Америка необратимо ослабла», – отмечал А.Фридберг.

Эксперт от демократической команды Д. Байдер заявил в этой связи, что США не могли в полной мере осуществить переориентацию на АТР ранее, будучи связаны серьёзными проблемами и вызовами в других регионах мира, в первую очередь в Ираке и Афганистане. Тот поворот к АТР, который администрация Обамы начала фактически с 2011 г., был, по мнению Д. Байдера, продиктован сформировавшейся к тому времени «критической массой» вызовов. Многоаспектность этого решения проявилась не только в том, что США объявили об усилении своей военной группировки в АТР, о ротированном присутствии военного контингента США в Австралии, но и в параллельном продвижении концепта Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), восстановлении связей США с Мьянмой, дипломатических инициативах с Вьетнамом, Индией и другими странами АТР [15].

Показательная полемика экспертов развернулась по тайваньскому вопросу. Администрацию Обамы было трудно критиковать на этом поле: после её прихода в Белый дом Тайваню были санкционированы поставки вооружений более чем на 13 млрд. долл., что стало рекордной суммой для всех американских администраций. При этом Б. Обама разрешил поставки на Тайвань истребителей *F-16* (модификации А/В), от чего воздерживалась администрация Дж. Буша-мл.

* Commission on Presidential Debates.

Тем не менее, позиция команды М. Ромни и по тайваньскому вопросу выглядела жёстче. Её эксперт особо акцентировал существующий дисбаланс ракетных и военно-морских возможностей КНР и Тайваня, хотя и признавал «бесперспективность» строительства политики США на основе достижения военного паритета в Тайваньском проливе. Несмотря на это, он недвусмысленно обозначил решимость М. Ромни поставлять на Тайвань и более совершенное вооружение, в частности, истребители *F-16* самых продвинутых модификаций [15].

Оппоненты на экспертных дебатах существенно разошлись и в другом ключевом вопросе китайской политики США – проблеме нераспространения ядерного оружия, её иранской и северокорейской «подтеме». Представитель М. Ромни считал использование «китайского фактора» для давления на Иран и Северную Корею, если не провальным, то однозначно малоэффективным в период администрации Обамы. Говоря о Северной Корее, эксперт отметил, что хотя для Китая безъядерный статус Пхеньяна был бы предпочтительнее, КНР потенциально готова согласиться и на приобретение ядерного оружия Северной Кореей. В отношениях с КНДР, отметил А. Фридберг, Пекин имеет ряд более значимых для себя приоритетов. Среди них – благоприятный для КНР региональный баланс сил в северо-восточной Азии и «управляемость» Пхеньяна со стороны КНР, даже с его ядерным оружием.

Полемизируя с А. Фридбергом, эксперт из команды Б. Обамы Д. Байдер заявил, что при Обаме Китай продвинулся ближе к США в иранском и особенно корейском вопросах. В 2010 г. после инцидента с потоплением Пхеньяном южнокорейского судна и ускорения темпов северокорейской программы по обогащению урана, Вашингтон осуществлял эффективный нажим на КНР по корейской теме. В частности, в ходе встречи *G-20* в Торонто президент Б. Обама предпринял активный демарш в адрес КНР, и этот демарш возымел действие. В результате китайцы возобновили призывы к КНДР вернуться за стол шестисторонних переговоров [15].

В вопросе о результативности и действенности контактов на военном уровне позиции участников экспертных дебатов также были весьма далеки друг от друга. Республиканский эксперт считал, что связи США и КНР по военной линии не должны быть самоцелью. Более того, он отметил, что в нынешней общеполитической ситуации, когда стратегическое и военно-технологическое преимущество однозначно на стороне США, от таких связей с Вашингтоном китайцы получают больше чем американцы. Следовательно, заявил А. Фридберг, США «не должны гоняться за Пекином» в этом вопросе; «стратегическое доверие сторон» остаётся на низком уровне.

По мнению его оппонента – Д. Байдера, связи по военной линии, прерванные после поставок вооружений на Тайвань администрацией Дж. Буша-мл. и восстановленные при администрации Обамы в 2010 г., позволили Вашингтону и Пекину завязать диалог по широкому спектру весьма чувствительных тем. В их числе минимизация ядерных рисков, противоракетная оборона, открытый космос, морские вооружения, кибербезопасность. Обсуждение этих тем на уровне военных существенно важно, отметил эксперт-демократ, в том числе и с учётом особого – «изолированного, специфичного» – статуса китайских военных в структуре власти в Китае. Такие связи, несомненно, повышают уровень транс-

парентности военной сферы в КНР, и в этом смысле администрация Обамы, по мнению Д. Байдера, предпринимала оправданные, плодотворные шаги [15].

Пожалуй, единственной темой китайской политики США, в которой эксперты были более или менее солидарны друг с другом, стала позиция США по островным конфликтам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. С учётом тех или иных нюансов, оба они были согласны, что поведение Китая в этом вопросе представляет собой тест на солидарность США со своими союзниками в регионе, прежде всего с Японией. Линия Китая по островным конфликтам, подчеркнули оба эксперта, стала следствием роста экономических возможностей, военных амбиций и энергетических appetитов КНР [15].

Предвыборная кампания в США со всей очевидностью показала растущее «горячее дыхание» Китая внутри американского общества. С учётом того широкого резонанса, который «китайская тема» получила в ходе предвыборных дебатов в Америке, можно сказать, что, голосуя за Б. Обаму, американский избиратель во многом позитивно реагировал на его философию отношений с Китаем, продемонстрированную в первый президентский срок. Для этой философии характерно сочетание «твёрдости», жёсткого отслеживания и регламентирования действий Китая на американской экономической площадке и в мировых делах с креативным расширением поля взаимозависимости, поиск новых и перспективных для Китая завязок, отход от назидательности и навязывания жёстких рецептов внутреннего развития.

Президенты США приходят и уходят, а Китай остаётся, и Б. Обама продемонстрировал понимание этого непреложного факта лучше и убедительнее чем его оппонент.

XVIII съезд КПК и американская тема

Переключаясь на выборный цикл в Китае, следует особо остановиться на трёх его взаимосвязанных составляющих. Это, во-первых, явно обострившееся напряжение внутри китайского правящего класса, вышедшее на поверхность в громком «деле Бо Силая». Этот внутриэлитный конфликт во многом предопределил и усилил нервозность и клановый торг в китайской верхушке накануне и в ходе съезда. Во-вторых, это конкретные кадровые назначения на высшие посты в КПК и китайской армии, понимание того, что они могут значить для китайского видения мира и внешней политики. В-третьих, формулировки партийных документов, имеющие прямое или опосредованное отношение к Америке – в первую очередь формулировки отчётного доклада Ху Цзиньтао съезду, сохраняющие «установочное», индикативное значение в китайском политическом дискурсе.

В марте 2012 г. было объявлено о выводе из состава Политбюро и снятии со всех постов Бо Силая – политического «тяжеловеса», весьма неординарного по стилю, идеологии и прежней карьере деятеля КПК. До своей опалы это был, пожалуй, один из наиболее заметных потенциальных лидеров КНР «пятого поколения», обладающий яркой индивидуальностью.

Карьерные перспективы Бо Силая в новом составе руководства оценивались весьма высоко: считалось, что он однозначно войдёт в Постоянный Комитет Политбюро на XVIII съезде. Ещё ранее, на этапах, предшествующих выдвижению

Си Цзиньпина на вторую позицию после Ху Цзиньтао, кандидатура Бо Силая даже рассматривалась в качестве варианта, альтернативного Си Цзиньпину. Их обоих относят к особой элитной группе «принцев» – потомков лидеров КПК эпохи Мао Цзэдуна. «Принцы», наряду с «шанхайцами» – выдвиженцами Цзян Цзэминя и «комсомольцами», группирующимися вокруг Ху Цзиньтао, считаются конкурирующими группировками в высшем эшелоне власти. Такое структурирование носит весьма условный характер; данные о связях конкретных фигур в номенклатуре спекулятивны, тем не менее фракционный характер китайского руководства мало кем оспаривается в мировой аналитической синологии [3; 13].

Конфликт вокруг Бо Силая развивался в нетрадиционной для постдэнзовского периода острой и публичной форме. Имели место громкие критические заявления членов высшего руководства в адрес друг друга, шокирующие криминальные подробности и разоблачения, вплоть до явного противостояния региональных и центральных спецслужб и даже прямой вовлечённости в события властей США^{*}. Всё это, особенно последний факт, нанесло серьёзный удар по репутации руководства КПК. Несмотря на ограниченность и спекулятивность информации, многое говорит о том, что обострившийся конфликт в КПК глубже, чем банальная схватка кланов за власть. Он касается более широких проблем, таких как приоритеты и перспективы дальнейшего развития, будущая трансформация партии, судьба госпредприятий и госкорпораций, пересмотр политики сокращения рождаемости, демонополизации банковской сферы, социальные гарантии сельскому населению.

Бо Силай зарекомендовал себя явным сторонником «неолевых» подходов к реформам в КНР с особой ностальгией по «эпохе Мао Цзэдуна, акцентом на уравнительность, преодоление имущественной дифференциации, поощрение коллективизма и коммунистической идеологии. Его жёсткая, вне рамок даже китайского правового поля борьба с коррупцией снискала популярность в народе.

Деятельность Бо Силая как руководителя Чунцина – крупного мегаполиса на правах провинции – получила название «чунцинская модель» реформ. Эту модель часто противопоставляли «гуандунской модели» развития. Гуандун – это богатая приморская провинция, с высокими доходами населения, с продвинутой ориентированной на экспорт промышленностью, плотно интегрированная совместными производственными цепочками с корпорациями США, Японии, Европы и стран АСЕАН. Население Гуандуна, этнически и исторически отличающееся от северных и глубинных провинций Китая, традиционно дистанцировалось от них, в той мере в которой это было возможно под жёстким скрепом КПК.

С «гуандунской моделью» связывают имя другого яркого и полярно противоположного Бо Силаю руководителя – Ван Яна, который считается приверженцем либерально-рыночных, прозападных акцентов в социально-экономической политике. Сторонником Ван Яна по такой ориентации счи-

^{*} Ван Лицзюнь – вице-мэр и руководитель силового блока Чунцина – обратился в консульство США в Чэнду в просьбой о политическом убежище, в чём ему было отказано.

тался и бывший руководитель другого индустриального региона – провинции Цзянсу – Ли Юаньчао.

На протяжении всего 2012 г. – подготовительного периода к съезду – наблюдатели-китаеведы констатировали прямые и косвенные симптомы подковёрной борьбы. В сентябре 2012 г. в западной прессе были опубликованы компрометирующие материалы о коррупционных доходах Си Цзиньпина и нынешнего премьера Вэнь Цзябао, что, скорее всего, можно было расценить как атаку на них влиятельных сторонников группировки Бо Силая.

Конфликт негативно сказался на эффективности госуправления на местах, увеличил отстранённость социальной массы от управленческого механизма, ещё больше ослабил действенность идеологической индоктринации. Косвенным образом эти проблемы отражены даже в следующем пассаже Отчётного доклада ЦК КПК XVIII съезду, принимая во внимание всю специфику, тональность и стиль этого партийного документа. «Твёрдо оберегая авторитет ЦК, необходимо идеологически, политически и в конкретных действиях оставаться с ЦК партии в максимальном единстве, неуклонно следовать теории, линии, курсу и политике партии, обеспечивать неукоснительное исполнение решений ЦК и абсолютно не допускать таких явлений, когда «наверху – меры, а внизу – контрмеры», ни в коем случае не допускать несоблюдения полученных указаний и нарушения запретов» [1].

Процедура перехода власти к новому поколению руководителей была серьёзно осложнена. Фракционный торг продолжал идти вплоть до последней минуты, что для съездов КПК совершенно нетипично. Съезд проходил в обстановке гораздо большей закрытости и усиления мер по поддержанию правопорядка и безопасности в Пекине.

Центральным решением съезда стало назначение Си Цзиньпина и формирование центральных органов партии – ПК Политбюро, Военного Совета ЦК (он же Центральный Военный Совет КНР), Политбюро, ЦК, Комиссии по проверке дисциплины ЦК.

В состав ПК Политбюро вошли семь человек: Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Ван Цишань, Чжан Гаоли, Чжан Дэцзян, Лю Юньшань, Юй Чжэншэн. Одновременно в него не вошли пролиберальные фигуры Ван Ян и Ли Юаньчао, что было расценено как компромиссный шаг, сделанный под давлением влиятельных в партии сил, симпатизирующих Бо Силаю. Другим симптомом компромиссного подхода стало то, что по возрастным ограничениям, которым последние 20 лет строго следуют в КПК, 5 из ныне избранных 7 членов ПК ПБ считаются своего рода «хромыми утками». Они вынуждены будут уйти уже на следующем XIX съезде партии. Это косвенно усиливает шансы Си Цзиньпина на формирование в значительной степени «своей» команды на последующее пятилетие.

Хотя фракционная принадлежность каждой из семи фигур в ПК Политбюро, самом Политбюро и ЦК спекулятивна, по мнению тайваньских и западных аналитиков, уверенную победу в продвижении своих кадров одержал Цзян Цзэминь, в то время как позиции Ху Цзиньтао ослабли [2; 11]

Ху Цзиньтао оставил, несмотря на иную традицию на предыдущих съездах, высший военный пост в стране – Председателя Центрального военного совета КНР. Это обстоятельство, судя по всему, стало результатом «пакетного компромисса», устроившего соперничающие группировки. Новый генсек таким образом

концентрирует в своих руках всю полноту партийно-военного управления. Си Цзиньпин при таком раскладе становится максимально независимым и от Цзян Цзэминя и от Ху Цзиньтао, хотя они по существующей парадигме китайской политики и сохраняют за собой определённое неформальное влияние.

Каким образом проведённые кадровые назначения съезда релевантны для китайско-американских отношений? Следует отметить ряд аспектов.

Назначение Си Цзиньпина, не подвергавшееся сильному сомнению, вряд ли может считаться неблагоприятной для Америки опцией. Новый лидер КПК, судя по имеющимся о нём данным, волевой, достаточно самостоятельный и в меру гибкий политик постдэнсовской формации. Он обладает разносторонним опытом партийного управления на различных постах в номенклатуре КПК, включая и относительную глубинку, и средний мегаполис, и бурно развивающиеся приморские провинции. Провинции Фуцзянь и Чжэцзян, в которых он проработал несколько лет вплоть до перевода в центр – уникальные китайские провинции, сочетающие в себе и локально специфичное население, и крепкое сельское хозяйство, и гиперактивную, ориентированную на экспорт зону. Кроме того Фуцзянь – географически и экономически главная зона взаимодействия с Тайванем, а также весьма значимый «форпостный» регион в военном смысле (Тайваньский пролив)*. Как региональный руководитель он несомненно приобретал здесь знания в области мировой экономики, транснациональных производств, понимание региональных тихоокеанских проблем, военной стратегии, геополитики. В его послужном списке американцам не менее важны и другие обстоятельства. Он как минимум не «неолевый» политик и, скорее всего, достаточно взвешено оценивает и маоистский, и дэнсяопиновский, и постдэнсяопиновский период китайской истории, причём первый из них в меру критично. Отец Си Цзиньпина – Си Чжунсюнь занимал пост вице-премьера Госсовета (правительства) КНР, в 1962 г. был репрессирован Мао Цзэдуном и реабилитирован при Дэн Сяопине.

В январе 2012 г. Си Цзиньпин совершил визит-смотрины в США, который прошёл весьма успешно. Турне имело «хорошую прессу» в США. Заместитель Председателя КНР вёл себя одновременно гибко и «не прогнулся» в ключевых вопросах, что зафиксировала и китайская блогосфера. По отзывам американской прессы, Си Цзиньпин продемонстрировал «более яркую индивидуальность», чем Ху Цзиньтао. Немаловажен для американцев и тот факт, что дочь Си Цзиньпина учится в Гарварде. Но первостепенное значение для американцев будет иметь следующее: насколько эффективно – при всей фракционной многослойности руководящей верхушки – Си Цзиньпин будет контролировать ситуацию. Полной ясности в этом нет: критерием истины станут будущие решения.

Какие темы, касающиеся Америки, будут в центре дискуссий нового китайского руководства? Их может быть несколько:

1. В какой степени «ослабла» Америка? Каковы ресурсы её адаптации и продолжения роста? С какими макроэкономическими и макрополитическими вызовами столкнётся администрация Обамы, и как она их разрешит?

* В Фуцзяньском военном округе дислоцированы крупные ракетные части, нацеленные на Тайвань.

2. Как реагировать на новую расстановку внешнеполитических приоритетов США и перенос «центра тяжести» в АТР? В какой мере это манёвр противоречит китайским «базовым интересам»? Какие конкретные шаги – военные, экономические, внешнеполитические – Китаю целесообразно предпринять?

3. Что делать с «островными» конфликтами в Южно- и Восточно-Китайском морях? До какого уровня конфронтации с США, Японией, вовлечёнными странами АТР их можно доводить? Как это ударит по макроэкономическим и торговым интересам Китая в мире?

Говоря о сюжетах с островными конфликтами, весьма показательным представляется следующее. В ходе прошедшего выборного цикла было радикально обновлено и высшее руководство Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Помимо назначения Си Цзиньпина главой Центрального военного совета (ЦВС), были назначены два его новых заместителя, новые руководители на ключевые посты в Минобороны, включая начальника Генштаба, командующего РВСН, главнокомандующего ВВС. Знаковыми можно считать и некоторые «неназначения»: в ЦВС двух военных руководителей – генералов Чжан Хайяна и Лю Юаня, которые, по оценкам, не получили постов из-за связей с опальным Бо Силаем.

Наблюдатели оценивают эти кадровые решения, во-первых, как свидетельство сосредоточения контроля над армией в руках профессиональных военных, «не запятнанных» участием в политической деятельности [2]. Это также усиливает позиции Си Цзиньпина, его контроль над военной сферой. Во-вторых, данные назначения красноречиво свидетельствуют и о другом важном изменении: снижении статуса и роли сухопутных войск в НОАК при одновременном усилении роли ВВС, ВМФ и РВСН; борьба за приоритеты такого рода, прежде всего, за распределение бюджетного пирога давно имеет место в китайских вооружённых силах. В-третьих, отмечается и то, что новые выдвиженцы-генералы представляют собой активных, амбициозных, более молодых, экспериментирующих военных руководителей – сторонников современных концепций ведения войны, хорошо усвоивших требования «революции в военном деле».

Так, один из вновь назначенных замов Си Цзиньпина по ЦВС, генерал Фань Чанлун, занимавший до этого пост командующего Цзинаньским военным округом, был выдвинут на эту должность, минуя две промежуточные ступени военной иерархии. С 2004 г., в период его руководства, Цзинаньский военный округ зарекомендовал себя как своего рода экспериментальная площадка по отработке новейших военных идей и доктринальных подходов, внедрению «революции в военном деле» в повседневную практику НОАК [2].

Новые военачальники в НОАК и обозначенные ими процессы могут иметь важное значение для китайско-американских отношений в военной сфере. Считается, что островные конфликты в Восточно- и Южно-Китайском морях пришлось весьма кстати для продвижения молодым генералитетом НОАК идей по расширению диапазона действий и ответственности китайских ВМФ по охране жизненно важных для КНР зон. Эти конфликты дали им повод организовать регулярное патрулирование спорных районов и прилегающих к ним акваторий. Кадровые решения в НОАК дают основание предполагать, что эти подходы в стратегии, скорее всего, будут подтверждены и продолжены.

Определённую информацию, немаловажную для внешней политики и китайско-американских отношений содержат и другие – некадровые – индикаторы

торы прошедшего в КНР съезда. Документы съезда – Отчётный доклад ЦК – как это и принято в политической традиции КПК, в основном ориентированы на внутреннюю проблематику, выдержаны, как правило, в общих, эластичных формулировках, могут интерпретироваться достаточно многозначно. Внешней политике – не считая специальный раздел по Тайваню и Гонконгу – посвящены суммарно не более 5% текста доклада.

В Отчётном докладе съезду не принято поимённо называть страны, в отношении которых даются какие-либо политические или оценочные характеристики. Перечисляются лишь ключевые для Китая международные организации и политические форматы – ООН, Группа восьми, Группа двадцати, БРИКС, ШОС, АСЕАН. Специфика отчётного доклада такова, что он по своему содержанию одновременно является документом и итоговым, и программным. Процедура его «обкатки» и согласования по сложности, многоступенчатости и институциональному участию в этом различных партийных и аналитических структур намного превосходит известный нам аналог – Отчётный доклад ЦК КПСС [1].

Применительно к США, первое, что бросается в глаза, – подчеркнутая осторожность и деликатность соответствующих формулировок, по сравнению со средним «градусом» обычной антиамериканской риторики в последние годы. По существу, наиболее острыми оценочными формулировками в адрес США можно назвать две следующие: «в известной мере поднимают голову гегемонизм, силовая политика и интервенционизм»; «волчьи законы не ведут к сосуществованию человечества, бряцание оружием не ведёт к прекрасному миру». Вместе с тем, в качестве основной темы в докладе прослеживается тезис о том, что «мир и развитие по-прежнему остаются лейтмотивом нашей эпохи» [1].

Важные моменты внешнеполитического раздела – идеи «толерантности, взаимообогащающего диалога друг с другом и взаимовыгодного сотрудничества в международных отношениях». Если проецировать эти слова на США, то налицо преобладание установки на взаимозависимость, больше чем на противодействие и конфликт. Об этом же говорит и другое заявление: «Китай будет предпринимать все усилия, направленные на координацию макроэкономической политики с главными экономиками, посредством консультаций разумно устранять торгово-экономические трения» [1]. Понятно, что основной адресат этих слов – однозначно США.

Вместе с тем, в Отчётном докладе чётко зафиксировано, что Китай, по характеру экономики, объёму стоящих перед ним проблем, социальной структуре продолжает оставаться «социалистической развивающейся страной» [1]. Смысл этого тезиса, помимо всего прочего заключается в том, что КНР видит себя не второй экономикой мира, не потенциальным партнёром США по «большой двойке», а именно частью развивающегося массива стран, которым ещё предстоит длительный путь экономического роста и восхождения. Такое «самоназвание» позволяет, несомненно, большую свободу рук китайскому государству в мировых делах, в том числе и в отношениях с США. Именно статус развивающейся страны даёт возможность Китаю в поисках дипломатических союзников ассоциировать себя с широким кругом стран, участвовать и поддерживать большее число политических форматов (БРИКС, ШОС, АСЕАН) и инициатив, доступ к которым для США невозможен или затруднён.

Суммируя вышесказанное отметим, что в глазах США противоречия внутри китайской элиты оказывают непосредственное влияние на имидж КНР как внешнеполитического игрока, и вероятные выводы Вашингтона могут быть следующими.

Главный и наиболее очевидный вывод: Китай демонстрирует «слабину». При всей неизбежности «внутриэлитных» разногласий в столь сложной бюрократии, как китайская, при всём масштабе стоящих перед страной вызовов реформирования, деликатности и значимости текущего этапа преобразований, нынешний элитный конфликт – явный бонус для американской стратегии. В ближайшем будущем (год-два) китайский политический класс будет неизбежно «подтормаживать», тратить дополнительное историческое время и политический ресурс на выработку консенсуса, согласование позиций, оглядку по «фракционным сторонам». Поскольку главным – «сакральным» – политическим приоритетом для китайского ЦК остаётся социальная стабильность, подобная «фракционная пробуксовка» неизбежна.

На внешней политике КНР «внутриэлитные» противоречия, скорее всего, скажутся опосредованным образом, в мягкой форме. Эти противоречия способны на какое-то время привести к потере Китаем темпа «стратегической инициативы» во внешней политике, к потере «реактивности» (в смысле стимул – реакция) в отношениях с Америкой.

Все эти экстраполяции, разумеется, носят весьма условный характер. Прогнозировать перспективные позиции КНР по конкретным проблемам отношений с США, чрезмерно драматизируя «китайскую фракционность», было бы серьёзным упрощением.

Заключение

В настоящее время американское и китайское общества находятся на деликатной, чувствительной фазе своего развития, решая внутренние, системные проблемы, во многом перестраивая свои модели роста. Для США эти трудности связаны прежде всего с решением задачи сокращения дефицитов, несбалансированного потребления, безработицы, нахождения социально устойчивого баланса между «реальной» и «новой» экономикой, преодолением внутренних издержек глобализации и транснационализации производства. Для Китая это проблемы ухода от ориентированной на экспорт парадигмы развития, формирования полноформатного среднего класса со всем комплексом социальных и политических гарантий, задачи ускоренной урбанизации и догоняющей индустриализации, перестройки политической системы.

Весь круг этих масштабных задач, особенно в Китае, вызывает системное напряжение. Показателем этого напряжения служит ощутимая внутриэлитная борьба, результаты которой частично опосредовано затрагивают и сферу внешней политики. Вследствие этого обоюдного напряжения усиливается «интуитивная» установка США и КНР на взаимозависимость и минимизацию двусторонней конфликтности. В определённом смысле эта установка носит характер «со-урегулирования» возникающих проблем.

Итог выборов циклов ощутимо обозначил этот вектор движения. Выборы в США однозначно отдали предпочтение компромиссной, кооперативной сба-

лансированной линии Обамы в отношении Китая в противовес дестабилизирующей, неоправданно жёсткой и чреватой многими макроэкономическими осложнениями линии его республиканского оппонента. Несмотря на то, что жёсткая антикитайская риторика М. Ромни имела ярко выраженную популистскую направленность, американский избиратель не пошёл за ним в китайском вопросе. По другую сторону Тихого океана, в Отчётном докладе съезду КПК формулировки, фактически касающиеся США и мировой обстановки, были выдержаны в примирительной, гибкой тональности.

Завершившиеся выборные циклы дают понять, что, по крайней мере, в двух из трёх остро конфликтных темах китайско-американских отношений – тайваньской проблеме и валютном споре – обе стороны в ближайший период вряд ли пойдут на обострение. В вопросе о военных поставках США Тайваню, Китай фактически даёт понять, что его удовлетворяет та сдержанность в номенклатуре поставок, которую продемонстрировала администрация Обамы в свой первый срок. Что касается валютного спора юань – доллар, то он фактически решается поэтапно, «в рабочем порядке».

Проблема военного противостояния США и Китая в АТР – третий конфликтный сюжет американо-китайских отношений – представляется наиболее рискованной, чреватой потенциальным обострением. Несмотря на американские «разъяснения» и всё ещё ограниченность реальных военных шагов по переносу центра тяжести в АТР, Китай по-прежнему трактует его как стремление сыграть на упреждение военного роста КНР. В этой связи твёрдая реакция КНР на ситуации со спорными островами в Южно-Китайском (риф Скарборо) и Восточно-Китайском море (о-ва Сенкаку/Дяюйдао) можно считать ответом КНР, обозначающим «черту» военного размежевания с США в регионе. Остаётся неясной степень решимости, энергичности и жёсткости, которую будет демонстрировать Китай в удержании этой «черты». В известной степени это станет тестом на решительность нового китайского руководства.

Противоборство двух стран в АТР будет в значительной степени определяться конкретными программами вооружений, которые запустит каждая из них под свою стратегию. Вероятное замедление темпов экономического роста КНР, связанное с перестройкой модели развития, ориентацией её на внутреннее потребление, ограничит ресурсную базу военных программ. Серьёзные ресурсные ограничения будут наблюдаться и в Соединённых Штатах, стоящих перед перспективой секвестирования военного бюджета. В силу этого гонка вооружений в регионе в ближайшие годы, скорее всего, будет носить контролируемый обеими сторонами характер.

Вместе с тем, несмотря на глубинную «интуитивную» линию на «соупреулирование», сильную мотивацию и очевидные дивиденды от взаимозависимости, два общества и экономики достаточно сложны и неоднородны, их политические и культурно-цивилизационные ценности пока трудно совместимы. В политических элитах США и КНР формируются и конфликтные интересы относительно друг друга, особенно в военной сфере. При неблагоприятных внешних «раздражителях», неадекватной коммуникации эти интересы способны привести к развитию конфронтационных сценариев. Однако эскалация этих сценариев до уровня горячей конфликтности, не говоря уже о системной конфронтации, в ближайшее время представляется маловероятной.

Список литературы

1. *Ху Цзиньтао*. Доклад на XVIII съезде Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 8 ноября 2012 г. (<http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>).
2. America and China in the Aftermath of Election and Succession: Paths and Pitfalls. Uncorrected Transcript. The Brookings Institution. Washington, D.C. November 19, 2012 (http://www.brookings.edu/~media/events/2012/11/19%20america%20china/111912_america_china_uncorrected.pdf).
3. *Cheng Li*. China's Top Future Leaders to Watch: Biographical Sketches of Possible Members of the Post-2012 Politburo (Part 1) (<http://www.hoover.org/publications/china-leadership-monitor/9026>).
4. The Obama Administration Challenges China's Export Subsidies to Auto and Auto Parts Manufacturers in China. 17.09.2012 (<http://www.ustr.gov/about-us/press-office/press-releases/2012/september/obama-administration-challenges-china-auto-subsidies>).
5. The Way out for China (Part LXVI): From the Trials against the Family of Bo Xilai to Talk about the Fundamental Need of a Legal System Is for People to Trust It – Wei Jingsheng 《中国的出路》之六十六：法制的根本就是要取信于民，让人民感到这个制度能有公平 — 魏京生 (<http://www.weijsingsheng.org/report/report2012/report2012-09/WeiJS120902ChinaWayOut66LegalFundationA731-W458.htm>).
6. Transcript and Audio: First Obama-Romney Debate (<http://www.npr.org/2012/10/03/162258551/transcript-first-obama-romney-presidential-debate>).
7. Transcript and Audio: Second Presidential Debate (<http://www.npr.org/2012/10/16/163050988/transcript-obama-romney-2nd-presidential-debate>).
8. Transcript and Audio: Third Presidential Debate (<http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>).
9. US-China Business Council (<https://www.uschina.org/statistics/tradetable.html>).
10. *Charles Kadlec*. Will China Bashing Cost Mitt Romney the Election? (<http://www.forbes.com/sites/charleskadlec/2012/09/25/will-china-bashing-cost-mitt-romney-the-election/>).
11. **习近平：胡锦涛主动提出卸任军委主席** (http://news.ifeng.com/mainland/special/zhonggong18da/content-3/detail_2012_11/17/19264139_0.shtml).
12. **奥巴马致电胡锦涛 表示珍视两人所作共同努力** (http://news.ifeng.com/mainland/detail_2012_11/17/19265522_0.shtml).
13. **魏京生：迎接中国的大变革** (<http://www.weijsingsheng.org/report/report2012/report2012-08/WeiJSspeech120818inCopenhagen-DJY.htm>).
14. **习近平：中国的发展非我赢你输 决不称霸搞扩张** (博讯北京时间 2012 年 12 月 06 日 转载) (<http://www.boxun.com/news/gb/china/2012/12/201212060129.shtml#UMalnuSZaSo>).
15. China Policy Debate. Committee of 100 China Studies Program at Johns Hopkins University. School of Advanced International Studies (SAIS). 24.10.2012. Washington, DC (<http://www.c-spanvideo.org/program/ChinaPoli>).